

УДК 81.28; 811.161.1.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-42-55

КОНСТАНТИНОВСКИЙ ГОВОР В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. А. ЕСЕНИНА КАК ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО МИКРОЯЗЫКА

Осипова Е. П.

*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
390000 г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить язык поэтических произведений С. А. Есенина. Специфика заключается в соединении литературного языка с фонетическими, акцентологическими и грамматическими диалектными явлениями, в использовании диалектных словообразовательных моделей в текстах, не относящихся к «деревенской» тематике, а также в попытке создания стихов, написанных полностью с использованием диалекта.

Процедура и методы. С учётом поисков нового поэтического языка в русской литературе начала XX в. рассмотрены конкретные примеры присутствия в поэтических текстах С. А. Есенина диалектных фонетических, акцентологических и грамматических явлений. При проведении исследования применены методы наблюдения, сопоставления, обобщения, интерпретации. При анализе художественных текстов использовались материалы полевого обследования говора с. Константиново Рыбновского района Рязанской области.

Результаты. Поэтические тексты указывают на владение поэтом в равной степени литературным языком и говором родного с. Константинова Рыбновского района Рязанской области. Наличие значительного числа произведений, созданных с использованием диалекта, и отдельных – полностью на диалекте, свидетельствует о том, что, как и Н. Клюев, С. Есенин предпринимал попытку создания нового поэтического языка, который из-за присутствия в нём значительного диалектного компонента можно определить как литературный микроязык.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён значительный материал по исследуемой проблематике. Полученные результаты могут быть использованы в вузовских спецкурсах по русской диалектологии, филологическому анализу текста, изучению языка художественного произведения.

Ключевые слова: говор, диалектизм, литературный микроязык, морфология, словообразовательная модель, фонетика

THE KONSTANTINOVO DIALECT IN THE POETIC WORKS OF SERGEY YESENIN AS AN ATTEMPT TO CREATE A LITERARY MICRO-LANGUAGE

E. Osipova

*Ryazan State University named after S. A. Yesenin
ul. Svobody 46, Ryazan 390000, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of the research is to determine the peculiarities of the language of the poetic works of Sergey Yesenin. The specificity lies in the connection of the literary language with phonetic, accentological and grammatical dialectal phenomena, in the use of dialectal word-formation models in texts not related to the “village” theme and in attempts to create poems written entirely with the dialect’s use.

Methodology. The paper covers specific examples of dialectal phonetic, accentological and grammatical phenomena present in poetic texts of Sergey Yesenin in connection with the search for a new poetic language in the Russian literature of the beginning of the XX century. Methods of observation, comparison, generalization and interpretation are employed in the research.

Materials of a field research of the dialect of the village of Kontantinovo, Rybnovo Raion, Ryazan Region are used in the analysis of literary texts.

Results. Poetic texts indicate the poet's fluency in literary language and the dialect of his native village of Konstantinovo, Rybnovo Raion, Ryazan Region. The presence of a significant number of works created using the dialect and some works entirely written in the dialect indicates that Sergey Yesenin (like Nikolai Klyuev) attempted to create a new poetic language in which we can find features of a literary microlanguage due to the presence of a significant dialect component.

Research implications. The research summarizes considerable material on the studied problem. Its results can be used in university special courses on Russian dialectology, philological analysis of texts, and studies of the language of literary works.

Keywords: dialect, dialectism, literary microlanguage, morphology, word-formation model, phonetics

Введение

Использование диалектной речи в художественных текстах – традиция русской литературы, берущая своё начало в трудах И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, а соответствующая ей практика отечественного языкознания – пристальный интерес исследователей к особенностям местной речи, нашедшим отражение в произведениях писателей и поэтов.

Специфика диалектной речи родного края нашли яркое отражение в поэзии С. А. Есенина. Язык его произведений, диалектная лексика неоднократно становились предметами исследований. Отмечали стремление автора к воссозданию местного колорита, указывали на удивительный дар С. А. Есенина к созданию ярких образов с использованием реалий крестьянского быта, в том числе и в текстах, темами которых не являются деревня, сельская жизнь [3; 7; 8; 9; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 22], привлекало внимание цветообозначение [2; 26], рассматривалась лексика в аспекте концептологии [4; 27], подвергались анализу окказионализмы в поэзии С. А. Есенина [21]. Вместе с тем акцентологические, фонетические особенности родного поэту говора с. Константинова, использование диалектных морфологических форм не получили серьёзного анализа с точки зрения оснований их присутствия в поэтических произведениях С. А. Есенина, не посвящённых описанию деревенского быта. Отмечая наличие тех или иных явлений, авторы не предпринимали попыток оценить стиль поэта в це-

лом, увязать этот стиль с поисками нового поэтического языка, которые происходили в русской поэзии начала XX в.

Результаты исследования

Обращаясь к данной теме, нельзя не коснуться роли Н. А. Клюева в творческом становлении С. А. Есенина. Уже в первом письме Н. А. Клюеву 24 апреля 1915 г. С. А. Есенин отмечает наличие того, что их объединяет: «Я тоже крестьянин и пишу так же, как Вы, но только *на своём рязанском языке*»¹ (выделено нами. – Е. О.). Уже в ранний период творчества поэт обращает внимание на особенность языка стихов своих и Н. А. Клюева. Между поэтами сразу же устанавливаются дружеские отношения.

Творчество русских писателей всегда является выразителем настроений общества, и поэтому в связи с обсуждаемой проблемой интерес представляет восприятие современниками выступлений и произведений Н. А. Клюева и С. А. Есенина. Так, писатель Б. А. Лазаревский вспоминал: «Вечером пошёл я в “Ежемесячный журнал”. Думал, что проскучаю, а вышло интересно. Читал я свой рассказ, ну да сиё не важно, а важно, что я, вообще не любящий стихов, кроме Лермонтова и Шевченко поэтов почти не чтущий, вдруг услышал двух поэтов – да каких! Великорусский Шевченко этот Николай Клюев, и наружность как у Шевченка в молодости. Начал он читать негромко, под сурдинку басом.

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Голос: Наука, 1999. С. 66.

И очаровал. Проникновеннее Некрасова, сочнее Кольцова. Миролубов плакал... Чуть было не плакал и я... И далеко же этим футуристам и Маяковским с их криком и воем до этой музыки, точно весь народ русский говорит. Затем выступал его товарищ, Сергей Есенин. Мальчишка 19-летний, как херувим блаженности и завитой, и тоже удивил меня. В четверть часа эти два человека научили меня русский народ уважать и, главное, понимать то, что я не понимал прежде, – музыку слова народного и муку русского народа – малоземельного, водкой столетия отравляемого. И вот точка. И вот мысль этого народа и его талантливые дети Есенин и Клюев» [1, с. 164–165].

Н. А. Клюев стремился утверждать в русской поэзии «народное» мировоззрение, поэтому пытался вокруг себя собирать близких по духу С. А. Есенина, С. А. Клычкова, П. И. Карпова, А. Ширяевца. Его совместные выступления с С. А. Есениным вызвали серьёзный общественный резонанс, обостряли внимание к народной культуре. Освоение наследия народной культуры литературой обычно активно происходит в переломное для государства и общества время, когда проявляется повышенный интерес к традиционной народной культуре и народу как новой творческой силе истории. Стремление понять свой народ, найти точки духовного соприкосновения с ним – вот что волновало в те предреволюционные годы русское общество вообще и русское искусство в частности [11, с. 281].

Следует отметить, что реакция литературной среды на Н. А. Клюева и С. А. Есенина не была однозначной. Одни усматривали в их стиле «художественно не оправданное стилизаторство» [1, с. 169, 171], другие – появление нового языка (поэтесса З. И. Бухарова), «некоторую новую освежающую струю в нашу начинающую уже дряхлеть поэзию» (Н. Н. Вентцель) [1, с. 178]. В частности, М. Г. Берлацкий так передал свои впечатления от произведения Н. А. Клюева и исполнения: «На эстраде кабаре то и дело появлялись раз-

ные дилетанты-певцы, поэты, футуристы и прочие коптителы петербургского туманного неба. Было невыносимо скучно и тоскливо. Как вдруг на эстраде появился белобрысый парень, в поддёвке, в домашней рубашке с вышивками, открыл рот с двумя рядами ровных белоснежных зубов, и заговорил сначала тихо, потом всё громче, на каком-то новом непонятном языке – всё о той же деревне, о её житейских невзгодах и войне. Были такие слова: бажоная, смеретушка, мостовичина, неuedные и много других провинциализмов. ... Я был поражён и смелостью, и свежестью, и простотой, и музыкальностью клюевских стихов; как-то сразу померкли все эти вялые, тусклые произведения конноязычных питерских пиитов, и я бросился за кулисы к Клюеву!» [1, с. 188].

В это время Н. А. Клюев стремился к созданию особого поэтического языка, основанного на использовании «народных» слов. Поэту ставили в упрек перенасыщение произведений провинциальной лексикой, мешавшей восприятию стихов. Однако освоение «потаённых» слов Н. А. Клюев представлял важной художественной задачей, поэтому в одном из писем обосновывает право художника на использование «народных» слов и возражает против пояснений к ним: «В меня не вмещается учёное понятие о том, что писатель-певец дурно делает и обнаруживает гадкий вкус, если называет предметы языком своей родной местности, т. е. всё-таки языком народным. ... В присланном Вам мною моем “Беседном Наигрыше”, представляющем из себя квинтэссенцию народной песенной речи, есть пять-шесть слов, которые бы можно было объяснить в подстрочных примечаниях, но это не только изменяет моё отношение к читателю, но изменяет и самое произведение, которое, быть может, и станет понятнее, но в то же время и станет совсем новым произведением – скорее нарушением моего замысла произвести своим созданием известное впечатление. Поэтому будьте добры и милостивы не делать никаких пояснительных сносок к упомянутому “Беседному

Наигрышу” и оставить его таким, каким я Вам передал...» [1, с. 176–177].

Революция 1917 г., казалось, открыла двери в новый мир, и новая Россия, по мнению поэтов, должна получить новую поэзию и новый поэтический язык. Это время активных поисков в области языка и формы, ожесточённых споров о новой поэзии. «Если одни “во имя прекрасного Завтра” грозились “сжечь Рафаэля”, сбросить с “корабля современности” Пушкина и всех прочих “генералов классики”, то крестьянские поэты были уверены в том, что новое слово зиждется на фундаменте мудрых книг, поэтому древние мотивы и образы ... просвечивают в тексте и в подтексте их произведений ... Певец Новой Руси, полагали поэты Серебряного века, должен нести Новое Слово» [10, с. 177–178].

И Н. А. Клюев, и С. А. Есенин принесли в русскую поэзию особую языковую стихию, систему образов. Своеобразие поэтического языка Н. А. Клюева проявляется в широком использовании местных слов Обонежья, которые поэт мастерски включает в образный строй произведений. По свидетельству Л. Г. Яцкевич, «Поэтический словарь Н. А. Клюева» включает свыше десяти тысяч диалектизмов, при том что его словарь насчитывает около пятнадцати тысяч слов [28, с. 760].

С. А. Есенин принёс в русскую поэзию южнорусскую речевую традицию. Несмотря на расхождение жизненных и творческих путей, С. А. Есенин никогда не отрицал влияния Н. А. Клюева на свою поэзию и даже после окончательного разрыва откровенно признавал: «Вот я, например, могу сказать про себя. Что я – ученик Клюева. И это – правда! Клюев – мой учитель»¹. За несколько дней до кончины сказал своему приятелю В. И. Эрлиху: «Как был он моим учителем, так и останется. Люблю я его»².

Внимание к региональной литературе не только в литературоведении, но и в

языкознании стало проявляться в 80-е гг. XX в. [6]. Показательной в этом отношении является статья академика Н. И. Толстого «Несколько вступительных слов о символике и языке поэмы Н. А. Клюева “Погорельщина”» (1988 г.), в которой учёный отмечает «клюевский окающий онежский говорок, тот же порой почти молитвословный стих и плач, перемежающийся с лихой, едва ли не частушечной деревенской речью», множество «крестьянских, редких и необщепотребительных слов» [24, с. 78]. Учёный указывает на совпадение по времени поисков Н. А. Клюевым новых и свежих форм языкового выражения со словотворческими опытами В. Хлебникова («О рассмейтесь, смехачи!») и ещё более эксцентричными экспериментами Д. Д. Бурлюка и его окружения. Однако Н. А. Клюев не выдумывал слова, не культивировал их специально, в отличие от В. Хлебникова, Д. Д. Бурлюка и их сторонников. У Н. А. Клюева много редких, необщепотребительных, крестьянских слов, поэтому к «Стихотворениям и поэмам», изданным в 1977 г. в серии «Библиотека поэта», приложен словарь Н. И. Толстой, отмечая непривычность данного факта для русского читателя, адресует нас к литературе ряда европейских стран (Италии, ФРГ, Испании, Югославии), где хорошо известно такое явление, как «диалектная литература», «локальная литература» – литература на местных диалектах, которую носителю литературного языка нельзя читать без сопровождающих её словарей. В заключение Н. И. Толстой отмечает перспективность темы «локальных литератур» для русской литературы и роли диалектной речи в их развитии [24, с. 81].

Эта мысль получает развитие в статье «Новый славянский литературный микроязык?» (1990 г.), посвящённой памяти академика Г. В. Степанова, который на основе анализа языковой ситуации или языкового состояния в различных культурно-языковых условиях, в разные периоды литературно-языкового процесса того или иного народа или нации указывает: «Типы ситуаций исторически меняются. Для донаци-

¹ Эрлих В. И. Право на песнь // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1986. С. 332.

² Там же. С. 349.

онального периода характерна ситуация, участниками которой являются территориальные диалекты; для национального периода – отношения между диалектами, с одной стороны, и между диалектами и единым литературным языком, с другой. Между этими двумя основными типами ситуаций располагаются менее типичные, характеризующиеся комбинацией языков, вариантов, диалектов и иностемных языков в одном лингвосоциуме» [цит. по: 25, с. 497]. В данной статье Н. И. Толстой приводит цитаты из авторов, пишущих на диалектном языке, – М. Шеляговича и В. Панкова. М. Шелягович создаёт на русинско-полесском языке (центральном говоре западнополесского диалекта, по определению самого Шеляговича) стихи, прозу и даже журнально-публицистические статьи. Например,

Польшчуцька пісня (Полесская песня)

З чым зрумнегы пісню

Польшчуцьку?

Но з Поліссем.

Рыхтычна – воно!

Еко дiты до батькэj пудхожы,

Так вона пудхожа до ёго! [25, с. 503].

Отгалкиваясь от белорусского литературного языка и украинского, М. Шелягович использует диалект, а также слова, отсутствующие в литературном белорусском, украинском и русском языках и не встречающиеся в диалектах, но образованные автором по моделям диалектным [25, с. 504].

Опираясь на характеристику славянских литературных языков, в частности русинского языка, содержащуюся в его ранней работе, а также в труде А. Д. Дуличенко [5], Н. И. Толстой экстраполирует данную языковую ситуацию на поиски нового литературного языка в русской литературе начала XX в. Комментируя использование Н. А. Клюевым в поэме «Погорельщина» олонечского высказывания: «Порато баско зимой в Сиговце!» для выражения прелести жизни в родном селе зимой, Н. И. Толстой пишет: «Жанр поэзии является самым излюбленным жанром писате-

лей – представителей славянских малых, областных или “диалектных” литературных языков (при всей внутренней смысловой противоречивости словосочетания “диалектный литературный язык” им иногда пользуются филологи в Югославии применительно к чакавским и кайкавским примерам и образцам использования диалекта в литературе). И это совершенно естественно. Пример истории русской поэзии, в которой допушкинский и пушкинский стих, будучи образцовым, с трудом допускал диалектно окрашенную речь, всё же показывает, что поэзия нуждалась в особом языке. Либо в языке заумном, либо в языке, искусственно созданном на основе словообразовательного богатства русского языка (ср. у Хлебникова: “О, исмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!”), либо на основе отдельных слов и фраз, взятых поэтами из скарбницы простой крестьянской речи» [25, с. 503].

Совершенно очевидно, что попытки создания нового поэтического языка на базе литературного языка в эпоху Серебряного века зашли в тупик. И лишь яркая, образная народная речь всегда вызывала ответный отклик в читателях и слушателях. В связи с этим представляется интересной реакция современников на стихотворение С. А. Есенина «В хате» (1914 г.): «Вот поистине новые слова, новые темы, новые картины!.. И как недалеко надо ходить за ними!.. В каждой губернии целое изобилие своих местных выражений, несравненно более точных, красочных и метких, чем пошлые вычурные словообразования Игоря Северянина, Маяковского и их присных» [цит. по: 23, с. 22].

Термин «литературный микроязык» (малый литературный язык) был предложен А. Д. Дуличенко в конце 1970-х гг. и используется для обозначения литературно-языковых образований, которые находятся за пределами известных славянских литературных языков крупных наций (этносов). Славянские микроязыки базируются на диалектах или говорах периферии того или иного языкового массива, либо на островном диалекте, обладают большей или меньшей степенью нормализации, используют

ся в ряде сфер, типичных для литературных языков, но в ограниченном объёме и всегда наряду с каким-либо национальным (генетически родственным или неродственным) литературным языком. Например, в сербохорватском языке выделяются градищано-хорватский, молизско-славянский микроязыки, в украинском – карпаторусинский, полесский микроязыки¹. Как представляется, именно роль диалектов в образовании микроязыков побудила Н. И. Толстого провести параллель между произведениями Н. Н. Шеляговича, В. М. Панкова – и Н. А. Клюева.

Для С. А. Есенина местная речь родного села Константинова (ныне – Рыбновского района Рязанской области) стала той благодатной средой, которая воспитала тонкое чувство языка. Это обусловило внимание и к литературной форме русского языка, и к богатствам народной речи. С. А. Есенин использовал знание языка родного края, вплетая в ткань произведений живую народную речь, словно стремясь к воспроизведению звучащей константиновской речи. Это не стилизация, к которой иногда прибегают художники слова, а подлинная диалектная речь. Именно в этом А. А. Никольский усматривает уникальность С. А. Есенина среди классиков русской литературы, называя её «билингвизмом», чтобы показать, какое значительное место занимает диалект в языке произведений поэта. Однако хочется подвергнуть сомнению положение автора, что отражение диалектных фонетических, морфологических черт в языке произведений С. А. Есенина является произвольным, немотивированным, в то время как диалектная лексика в его произведениях – явление осознанное и мотивированное [13, с. 90–93]. Постараемся показать на текстах произведений поэта, насколько часто отражается диалектная фонетика, акцентология, морфология наряду с лексикой в его стихах.

Знание фонетики говора даёт возможность определить диалектный характер

отступлений от литературной нормы. Фонетические диалектизмы часто используются как средство характеристики героев. Замечательной иллюстрацией является диалектное слово *жисть*. Неоднократно в стихах встречается фонетический вариант данной лексемы *жись*, что является результатом упрощения групп согласных на конце слова: <ст'> → <с'> (ср. *бал'ес'т' – бал'ес'*). Именно данный вариант и использует чаще всего поэт. Оба варианта широко бытуют в рязанских говорах, поэтому так естественно воспринимается в высказываниях персонажей-крестьян в произведениях С. А. Есенина (здесь и далее выделения наши. – Е. О.):

«...Послушай-ка, беззаботник,
Про нашу крестьянскую *жись*».²
1925 г.

Однако поэт часто использует данные формы в авторском тексте:

Письмо как письмо.
Беспричинно.
Я в *жисть* бы таких не писал...³
1925 г.

Милый Вова,
Здорово.
У меня не плохая
«*Жись*»,
Но если ты не женился,
То не женись.⁴
1925 г.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми немытыми речами
Они свою обсуживают «*жись*».⁵
1924 г.

² Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 169.

³ Там же. С. 187.

⁴ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 264.

⁵ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 95.

¹ Славянские микроязыки // Академик: [сайт]. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1036201> (дата обращения: 07.10.2021).

В двух последних случаях автор берёт слово в кавычки, вероятно, подчёркивая цитатность в его использовании. Представляется, что им руководило не только стремление получить точную рифму. Даже в тех случаях, когда автор прибегает к орфографической записи, отражающей литературную норму, местную произносительную особенность можно восстановить, если допустить абсолютное созвучие рифмующихся слов (ср. *ветками – веткими*: Удержи ты ветками, // Как руками меткими¹. 1925 г.).

Пожалуйста, голубчик, не *лижись*.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое *жизнь*,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.²
1925 г.

Эти примеры показывают, что диалектное произношение слова «жизнь» в рифмующихся строках использовано поэтом в собственной речи без особых художественных задач.

Отдельные фонетические особенности настолько последовательно закреплены в стихах, что воспринимаются поэтом как вполне допустимые. Очевидно, что <г> в речи поэта был фрикативным. Это замечательно иллюстрируют примеры с оглушением <г> в <х> на конце слов, в которых фрикативный характер <г> подтверждает и рифма: *друг – глух, дух, настух, пух; луг – петух, пух; очаг – страх; порог – вздох; постиг – стих; снег – всех, орех, мех*. Например,

Я не знаю – то свет или мрак?
В чаще ветер поёт иль *петух*?
Может, вместо зимы на полях,
Это лебеди сели на *луг*.³
1917 г.

И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и *луг*,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит *петух*.⁴
1918 г.

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 224–225.

² Там же. С. 213.

³ Там же. С. 125.

⁴ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 67.

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и *глух*.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой *друг*?⁵
1925 г.

Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в *страх*,
Гляжу среди судов все пристальной
На красный советский *флаг*.⁶
1925 г.

Нельзя не отметить, что здесь диалектное произношение отражено в словах Анны Снегиной – помещицы, образованной женщины.

В других случаях автор использует рифму, соответствующую литературной норме, например,

Ночь проходит. Свет *потух*.
За окном поет *петух*.⁷
1925 г.

Встретился случай замены <ф> сочетанием <хв> (*дрофа – дрохва*):

Эй вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные.
Не народ, а *дрохва*
Подбитая!
Русь нечесаная,
Русь немытая.⁸
1924 г.

Интересен факт использования фонетического варианта в качестве орфографической записи:

⁵ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 235.

⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 186.

⁷ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 279.

⁸ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 116.

Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она *другова*,
Молодая, красивая дрянь.¹
1923 г.

В стихах С. А. Есенина сохранились и акцентологические диалектные черты. Некоторые глаголы в говоре села Константинова характеризуются неподвижным ударением в отличие от литературного языка, в котором форма женского рода прошедшего времени противопоставлена формам среднего рода и множественного числа, имеющим ударение на основе. В рязанских говорах практически повсеместно встречаются формы прошедшего времени с неподвижным ударением типа *поня́л, поня́ли, поня́ла*. В стихах С. А. Есенина читаем:

Ты плакала в вечерней тишине,
И слёзы горькие на землю упали,
И было тяжело и так печально мне,
И всё же мы друг друга не *поня́ли*.²
1913 г.

В некоторых южнорусских говорах, в том числе рязанских, имеются глаголы с неподвижным ударением на окончании. Подобные формы свойственны и говору родины Есенина: *была́, были́, было́*:

Первый сказ о том,
Что давно *было́*.
А второй – про то,
Что сейчас *всплыло́*.³
1924 г.

В говоре села Константинова широко представлены формы наречий с ударением на конечном слоге: *весело́, холодно́, зелено́, бедно́, скудно́*. Встречаются они и в стихотворениях С. А. Есенина, что подтверждается рифмой:

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались *весело́*,
Девки брякали им бусами,
Зывали за *село́*.⁴
1914 г.

Мать с ухватами не *сла́дится*,
Нагибается *ни́зко́*,
Старый кот к махотке *кра́дется*
На парное *молоко́*.⁵
1914 г.

Не реже, чем фонетические и акцентологические, встречаются диалектные морфологические явления, особенно в глагольных формах. В южнорусских говорах (рязанские относятся к Восточной (Рязанской) группе южнорусского наречия) наблюдается неразличение возвратных суффиксов *-сь* и *-ся*. Стихотворные произведения Есенина свидетельствуют о бытовании подобных возвратных глагольных форм в говоре села Константинова:

Вот уж осень улетела
И *примчалася* зима.
Вот *появилисья* узоры
На стеклах дивной красоты.⁶
1911–1912 г.

Бывало, пятерых сшибал
Я с ног своей дубиной,
Теперь же хил и стар я стал
И *плачуся* судьбиной.⁷
1911–1912 г.

Пой ты тогда надо мною,
Только сейчас *удалися*
Или за грешную душу
Вместе со мной *помолисся*.⁸
1912 г.

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 173.

² Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 44.

³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 116.

⁴ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 48.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 19.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Там же. С. 28.

Несложно заметить, что в данном случае поэт мог прибегнуть к рифме с возвратными формами, соответствующими нормам литературного языка: *удались – помолись*. То же самое отмечаем в других глагольных формах (например, в деепричастиях):

И тёмный лес, *склоняся*, дремлет.¹
1911–1912 г.

Говор с. Константинова отмечен колоритными формами инфинитива типа –с'т' (*нести* 'нести'):

Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.²
1925 г.

Я не пойму, какой силой
Сумел *потрясть* он шар земной?³
1924 г.

26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занесть.⁴
1924 г.

Нет, это уж было слишком.
Не всякий рождён *перенесть*.⁵
1925 г.

Завесть, занесть, перенесть – это подлинные диалектные формы, бытующие до сих пор в речи жителей старшего поколения села Константинова.

Присутствуют в есенинских произведениях и диалектные формы местоимений:

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с *эфтой* силой
В душу свою не лезь.⁶
1923 г.

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 21.

² Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 168.

³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 145.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Голос: Наука, 1998. С. 177.

⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 187.

Ах, и сам я нынче *чтой-то* стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.⁷
1925 г.

В константиновском говоре, как и в других южнорусских говорах, в сравнении с современным литературным языком шире употребляются формы родительного и предложного падежей с окончанием -у. Приведём примеры с окончанием -у в П. п.:

Загорятся, как чёрна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых *в шелку* купырей.⁸
1914 г.

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму.
И кому-то не петь *на холму*.⁹
1917 г.

Хочется есть, да не этого,
Что так шуршит *на зубу*.
Жду я весёлого, светлого,
Как молодую судьбу.¹⁰
1916 г.

Эта диалектная форма присутствует в речи крестьян – героев стихотворений. Например, в «Письме от матери»:

Купи мне шаль,
Отцу купи порты,
У нас *в дому*
Большие недостатки.¹¹
1924 г.

Широко употребительны на родине поэта формы существительных Им. п. и В. п. мн. ч. с ударным окончанием -а (*я*), о чём свидетельствуют его произведения:

Ой, текут *кровя* сугорами,
Стонут пашинные пажити,

⁷ Там же. С. 223.

⁸ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 19.

⁹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 76.

¹⁰ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 139.

¹¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 126.

Разыгрались злы татаровья,
Кровь полониками черпают.¹
1912 г., <1925 г.>

Засучивши с рожью полы,
Пахаря трясут лузгу,
В честь угодника Миколаы
Сеют рожью на снегу.²
1915 г.

В говоре села Константиново можно отметить тенденцию к утрате среднего рода, при которой существительное среднего рода воспринимается диалектоносителем чаще как слово женского рода (*большая стада, во всю сяло*) или реже – как существительное мужского рода (*яблок большой, красный; мой ведро, зелёный крыльцо*). Обратимся к есенинским текстам:

А мужик, как взглянет,
Разведёт ручищей
Да как в спину втянет
Прямо **кнутовицей**.³
1925 г.

Облак, какмышь,
Подбежал и взмахнул
В небо огромным хвостом.⁴
1917 г.?

Жителями села Константинова старшего возраста и теперь употребляются формы простой сравнительной степени прилагательных *раньшай, похужай, длиншие, тяжельше, ширше* и т. п. Поэт в стихотворениях использует подлинные диалектные формы сравнительной степени:

Нынче мужик простой
Пялится **ширьше** неба.⁵
1919 г.

Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех **бойчей**.⁶
1924 г.

Стихи, стихи! Не очень лефте!
Простей! Простей!
Мы пили за здоровье нефти
И за гостей.⁷
1925 г.

Заключение

Поэтические примеры свидетельствуют, что включение фонетических, акцентологических, морфологических элементов говора с. Константинова не связано определённо с конкретными периодами творчества поэта (произведения датированы с 1911–1912 г. по 1925 г.), но всё-таки чаще всего с 1911 по 1917 гг. – временем наибольшей творческой близости с Н. А. Клюевым. Далеко не всегда это имеет отношение к тематике (не только для передачи «деревенского» колорита): диалектные элементы встречаются как в репликах персонажей-крестьян, так и в собственно авторском тексте. Представляется, что в произведениях поэта мы сталкиваемся с сознательным стремлением передать звучание родной константиновской речи. Не исключаем, что в ряде случаев это связано с вызовом, который бросает поэт воспитанной на классических поэтических образцах публике.

С. А. Есенин и Н. А. Клюев являются современниками и творчески выражают одну эпоху. На попытки создания нового поэтического языка указывает и тот факт, что С. А. Есенин использует ресурсы родного говора в том числе и для создания индивидуально-авторских слов. К сожалению, исследователями далеко не всегда различаются аутентичные диалектные формы и авторские новообразования, созданные по диалектной словообразовательной модели.

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1997. С. 175.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 168.

⁴ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 93.

⁵ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Голос: Наука, 1996. С. 181.

⁶ Там же. С. 203.

⁷ Там же. С. 219.

Вспомним подобные опыты М. Шеляговича и приведём примеры авторского словотворчества в стихах С. А. Есенина:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло *процвеств* и умереть.¹
1921 г.

Использование диалектной словообразовательной модели находим в окказиональных формах сравнительной степени:

Лейся, песня, пуще, лейся, песня, *звяньше*.
Все равно не будет то, что было раньше.²
1925 г.

Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.³
1923 г.

В рязанских говорах бытуют формы 1 л. с тенденцией к выравниванию глагольной парадигмы, без чередования в глагольной основе: *сидеть* – *сидю*, *ловить* – *лавю*). Подобные новообразования, отсутствующие в говоре села Константинова, находим у С. А. Есенина:

Нового вознесения
Я оставлю на земле следы.
Пятками с облаков *свесюсь*,
Прокопытю тучи, как лось.⁴
1918 г.

Очевидно, что усвоенная с детства константиновская речь способствовала рождению в рамках литературного языка особых сочетаний, словообразовательных моделей, несвойственных авторам, владеющим только литературным язы-

ком. Основу стихотворных произведений составляет литературный язык с включением богатого диалектного материала разных уровней диалектной системы, но особенно ярко фонетического, акцентологического, морфологического, лексического. Это говорит о том, что С. А. Есенин, как и Н. А. Клюев, предпринимал попытку создания особого поэтического языка. У обоих поэтов есть произведения, написанные фактически на диалекте:

Галка-староверка ходит в чёрной ряске,
В лапотках с оборой, в сизой подпояске.
Голубь в однорядке, воробей в сибирке...
И пернатым брашно, на бугор, на плёсо,
Рассыпает солнце золотое просо.⁵

Ой, не зымь лузга-заманница
Запоршила переточкины,–
Подымались злы татаровья
На зарайскую сторонущку. ...
Ой, текут кровя сугорами,
Стонут пасишные пажити,
Разыгрались злы татаровья,
Кровь полониками черпают⁶.

Следовательно, в произведениях С. А. Есенина мы наблюдаем попытку создания литературного микроязыка, в котором диалектные явления органически вписаны в художественный текст. Это и создаёт особый язык произведений поэта.

Статья поступила в редакцию 08.06.2021.

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Голос: Наука, 1995. С. 163.

² Там же. С. 241.

³ Там же. С. 197.

⁴ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1996. С. 65.

⁵ Клюев Н. А. Стихи // РуСтих. Стихи классиков: [сайт]. URL: <https://rustih.ru/nikolaj-klyuev-galka-staroverka-xodit-v-chnoj-ryaske> (дата обращения: 07.10.2021).

⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Голос: Наука, 1996. С. 174–175.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский К. Николай Клюев. Путь поэта. Л.: Советский писатель, 1990. 336 с.
2. Горобец И. А. Семантика цветообозначений в поэтике Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2019. № 3 (50). С. 41–48.
3. Демидова Н. И. Об использовании местных речений в творчестве С. А. Есенина (к анализу лексико-семантических диалектизмов в творчестве поэта) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2005. № 3. С. 121–126.
4. Дроздов Р. К., Балашова И. С. Концепт ухода и возвращения в лирике последнего года жизни С. А. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2016. № 4 (39). С. 56–61.
5. Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981. 323 с.
6. Дюжев Ю. Дерево памяти [о творчестве писателей европейского Севера] // Север. 1988. № 3. С. 114–120.
7. Жбанкова Т. С. Диалектизмы в стихотворениях Есенина // Сергей Есенин: Проблемы творчества / сост. П. Ф. Юшин. М.: Современник, 1978. С. 235–244.
8. Кононенко Л. А. Диалектная лексика в прозе С. А. Есенина // Исследования по русскому языку: межвузовский сборник научных трудов. Рязань: Изд-во РГПУ им. С. А. Есенина, 2004. С. 17–22.
9. Кононенко Л. А., Шадрин М. Г. Художественные функции диалектного слова в прозе С. А. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2006. № 5. С. 142–146.
10. Маркова Е. И. Клюев и Есенин: (диалог русских поэтов в свете калевальского сюжета о состязании в пении) // Север. 2015. № 5–6. С. 176–180.
11. Налепин А. Л. Фольклоризм как форма и содержание в поэзии Н. А. Клюева и С. А. Есенина: (опыт сравнительного анализа) // Налепин А. Л. Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетии. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 279–301.
12. Некрасова Е. А. Экспрессия диалектного слова в творчестве С. А. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2007. № 6. С. 115–120.
13. Никольский А. А. Диалектизмы в языке С. Есенина (материалы для «Есенинской энциклопедии») // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2008. № 8. С. 90–93.
14. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2019. № 1 (48). С. 48–51.
15. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (продолжение) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2019. № 2 (49). С. 41–47.
16. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (продолжение) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2019. № 3 (50). С. 41–48.
17. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (продолжение) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2020. № 1 (52). С. 43–48.
18. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (продолжение) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2020. № 2 (53). С. 65–73.
19. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (продолжение) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2020. № 3 (54). С. 59–63.
20. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (окончание) // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2020. № 4 (55). С. 57–62.
21. Осипов Б. И. Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С. А. Есенина. Барнаул: Барнаульский гос. пед. институт, 1973. 86 с.
22. Осипова Е. П. Лексика рязанского народного костюма в поэзии С. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2008. № 9. С. 84–91.
23. Скороходов М. В. Стихотворение С. А. Есенина «В хате» (справочная статья для «Есенинской энциклопедии») // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2016. № 3 (38). С. 22–23.
24. Толстой Н. И. Несколько вступительных слов о символике и языке поэмы Н. Клюева «Погорельщина» // Новый мир. 1987. № 7. С. 78–81.
25. Толстой Н. И. Новый славянский литературный микроязык? // Толстой Н. И. Избранные труды: в 3 т. Т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 497–506.
26. Южакова Ю. А. Лексико-семантическая группа «цвет» в лирике Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2020. № 1 (52). С. 37–42.
27. Южакова Ю. А., Сомова М. В. Языковые средства выражения значения неизменности внешнего мира в поэтическом творчестве С. А. Есенина // Современное есениноведение: научно-методический журнал. 2019. № 4 (51). С. 47–50.

28. Яцкевич Л. Г. Лексика Обонежья в поэзии Н. А. Клюева // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия: сборник статей / гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда: Книжное наследие, 2002. С. 760–768.

REFERENCES

1. Azadovskii K. *Nikolai Klyuev. Put' poeta* [Nikolai Klyuev. The Path of the Poet]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 336 p.
2. Gorobets I. A. [Semantics of Color Terms in Yesenin's Poetics]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2019, no. 3 (50), pp. 41–48.
3. Demidova N. I. [On the Use of Local Sayings in the Work of S. A. Yesenin (To the Analysis of Lexical and Semantic Dialectisms in the Work of the Poet)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2005, no. 3, pp. 121–126.
4. Drozdov R. K., Balashova I. S. [The Concept of Departure and Return in the Lyrics of the Last Year of the Life of S. A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2016, no. 4 (39), pp. 56–61.
5. Dulichenko A. D. *Slavyanskije literaturnye mikroyazyki: voprosy formirovaniya i razvitiya* [Slavic Literary Microlanguages: Issues of Formation and Development]. Tallin, Valgus Publ., 1981. 323 p.
6. Dyuzhev Yu. [Tree of Memory [About the Work of Writers of the European North]]. In: *Sever* [North], 1988, no. 3, pp. 114–120.
7. Zhbankova T. S. [Dialectisms in Yesenin's Poems]. In: Yushin P. F., comp. *Sergey Esenin: Problemy tvorchestva* [Sergey Yesenin: Problems of Art]. Moscow. Sovremennik Publ., 1978, pp. 235–244.
8. Kononenko L. A. [Dialect Vocabulary in the Prose of S. A. Yesenin]. In: *Issledovaniya po russkomu yazyku: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Studies in the Russian Language: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Ryazan, Ryazan State University named after S. A. Yesenin Publ., 2004, pp. 17–22.
9. Kononenko L. A., Shadrina M. G. [Artistic Functions of the Dialect Word in the Prose of S. A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2006, no. 5, pp. 142–146.
10. Markova E. I. [Klyuev and Yesenin: (Dialogue of Russian Poets in the Light of the Kaleval Story about a Competition in Singing)]. In: *Sever* [North], 2015, no. 5–6, pp. 176–180.
11. Nalepin A. L. [Folklorism as a Form and Content in the Poetry of N. A. Klyuev and S. A. Yesenin: (An Experience of Comparative Analysis)]. In: Nalepin A. L. *Dva veka russkogo fol'klora: opyt i sravnitel'noe osveshchenie podkhodov v fol'kloristike Rossii, Velikobritanii i SShA v XIX–XX stoletii* [Two Centuries of Russian folklore: Experience and Comparative Coverage of Approaches in Folklore of Russia, Great Britain and the USA in the 19th–20th centuries]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature RAS Publ., 2009, pp. 279–301.
12. Nekrasova E. A. [Expression of the Dialect Word in the Work of S. A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Esenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2007, no. 6, pp. 115–120.
13. Nikol'skii A. A. [Dialectisms in the Language of S. Yesenin (Materials for the Yesenin Encyclopedia)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies. Scientific and Methodical Journal], 2008, no. 8, pp. 90–93.
14. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2019, no. 1 (48), pp. 48–51.
15. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: Nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2019, no. 2 (49), pp. 41–47.
16. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2019, no. 3 (50), pp. 41–48.
17. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2020, no. 1 (52), pp. 43–48.
18. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2020, no. 2 (53), pp. 65–73.

19. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2020, no. 3 (54), pp. 59–63.
20. Nikol'skii A. A. [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S. A. Yesenin (Continuation)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2020, no. 4 (55), pp. 57–62.
21. Osipov B. I. *Neologizmy, ustarevshie i oblastnye slova v yazyke poezii S. A. Esenina* [Neologisms, Obsolete and Regional Words in the Language of Poetry of S. A. Yesenin]. Barnaul, Barnaul State Pedagogical Institute, 1973. 86 p.
22. Osipova E. P. [Vocabulary of the Ryazan Folk Costume in the Poetry of S. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2008, no. 9, pp. 84–91.
23. Skorokhodov M. V. [Yesenin's Poem "In the House" (Reference Article for the Yesenin Encyclopedia)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2016, no. 3 (38), pp. 22–23.
24. Tolstoi N. I. [A Few Introductory Words about the Symbolism and Language of N. Klyuev's Poem "Pogorelshchina"]. In: *Novyi mir* [New World], 1987, no. 7, pp. 78–81.
25. Tolstoi N. I. [A New Slavic Literary Micro-language?]. In: Tolstoi N. I. *Izbrannye trudy. T. II. Slavyanskaya literaturno-yazykovaya situatsiya* [Selected Works. Vol. 2: Slavic Literary and Linguistic Situation]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1998, pp. 497–506.
26. Yuzhakova Yu. A. [Lexico-semantic Group "Color" in Yesenin's lyrics]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2020, no. 1 (52), pp. 37–42.
27. Yuzhakova Yu. A., Somova M. V. [Language Means of Expressing the Meaning of the Immutability of the External World in the Poetic Work of S. A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie: nauchno-metodicheskii zhurnal* [Modern Yesenin Studies: Scientific and Methodological Journal], 2019, no. 4 (51), pp. 47–50.
28. Yatskevich L. G. [Vocabulary of Obonezhie in the Poetry of N. A. Klyuev]. In: Sudakov G. V., ed. *Russkaya kul'tura novogo stoletiya: problemy izucheniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya* [Russian Culture of the New Century: Problems of Studying, Preserving and Using the Historical and Cultural Heritage]. Vologda, Knizhnoe nasledie Publ., 2002, pp. 760–768.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осипова Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина;
e-mail: e.osipova@365.rsu.edu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena P. Osipova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Language and Its Teaching Methods, Ryazan State University named after S. A. Yesenin;
e-mail: e.osipova@365.rsu.edu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Осипова Е. П. Константиновский говор в поэтических произведениях С. А. Есенина как попытка создания литературного микроязыка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 42–55.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-42-55

FOR CITATION

Osipova E. P. The Konstantinovo Dialect in the Poetic Works of Sergey Yesenin as an Attempt to Create a Literary Micro-Language. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 42–55.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-42-55